

УДК 81'42

НАРРАТИВ КАК МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАМЫСЛА ОРАТОРА (НА ПРИМЕРЕ СУДЕБНЫХ РЕЧЕЙ А.Ф. КОНИ)

Артемова Т.В.

ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6), e-mail: artemova-tv@mail.ru

В статье нарратив судебных речей А.Ф. Кони исследуется как дискурсивный способ конструирования события, представляющий собой индивидуально-авторский и ситуативно-обусловленный механизм речевого кодирования установки на адресата. В качестве материала исследования взяты обвинительные речи А.Ф. Кони, произнесенные им в суде присяжных. Оценивая свою аудиторию как обладающую здравым смыслом, но не могущую своими силами оценить представленные суду доказательства, оратор разрабатывает такую стратегию убеждения, которая ориентирована как на формирование целостного образа события в сознании слушателей, так и на пристальное рассмотрение события правонарушения. Осуществление замысла проходит этапы отбора, переосмысления и упорядочения квантов события на семантическом, речеактовом и композиционном уровнях высказывания. При этом событие не только возникает во всей своей целостности в воспринимающем сознании, но и приобретает заданную говорящим модальность, за счет чего происходит формирование убеждения слушателя.

Ключевые слова: нарратив, судебная речь, адресат, нарративная система, речевой акт, композиционная часть

NARRATIVE AS A MECHANISM REALIZATION OF THE IDEA OF SPEAKERS (FOR EXAMPLE JUDICIAL SPEECHES AF KONI)

Artemova T.V.

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia (650043, Kemerovo, street Krasnaya, 6) e-mail: artemova-tv@mail.ru

The article narrative judicial speeches AF Kony investigated as a method of constructing a discursive events represent an individual author and situation-driven mechanism of speech encoding settings on the destination. As research material taken accusatory speech AF Kony, pronounced them before a jury. Assessing his audience as having a common - sense scrap, but not being able to evaluate their own evidence presented to the court, speaker develops a strategy of persuasion, which focused both on the formation of a coherent image of the event in the minds of listeners, and on close consideration of the events offense. Implementation of the plan passes the stages of selection, ordering, and rethinking quantum events at the semantic, speech acts and compositional levels of expression. In this event, not only appears in its entirety in the perceiving consciousness, but also takes a given speaker modality, whereby the listener is the formation of beliefs.

Keywords: narrative, judicial speech, destination narrative system, speech act, the composite part

Введение

Формирование нарратологии как междисциплинарного направления в исследовании дискурса стимулировало интерес к изучению разнообразных коммуникативных практик, в которых нарратив рассматривается как способ трактовки событий (Дж.С. Говард, Е.Р. Ярская-Смирнова), средство конструирования реальности (К.А. Андреева, Е.В. Падучева, Е.А. Попова), а также механизм организации человеческого общения и воплощения коммуникативного намерения адресанта (Г.М. Костюшкина, Н.В. Максимова, В.И. Тюпа). С этим связан выход нарратологии за пределы анализа художественного текста и ее обращение к формам повседневного (Т.А. ван Дейк), политического (А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал), юрисдикционного (Т.В. Артемова, И.В. Палашевская) и т.д. дискурсов. Происходит формирование методологического аппарата исследований, уделяющих внимание способам последователь-

ного представления событий социального мира, а также механизмам формирования и формулирования авторского видения события.

В русле направлений развития современной лингвистики видится перспективным изучение нарратива как механизма, позволяющего оратору реализовать свой замысел. В соответствии с прагматическим подходом, нарратив может быть рассмотрен как такой способ конструирования события, который представляет собой индивидуально-авторский и ситуативно-обусловленный механизм речевого кодирования установки на адресата.

В качестве материала исследования рассматриваются речи А.Ф. Кони, произнесенные им в суде присяжных. Поскольку «при воплощении конативного высказывания особое значение имеет учет инициатором речевого воздействия фактора адресата», предполагающего «формирование представлений о познавательных возможностях адресата, о его духовном мире ... об эмоционально-чувственной сфере и т.д.» [5], отдельного внимания заслуживает то, как оратор воспринимает свою аудиторию. В период профессиональной деятельности А.Ф. Кони суд присяжных состоял в основном из крестьян, поскольку представители дворянского и купеческого сословий разными путями искали ухода от выполнения обязанностей присяжных. Задача прокурора состояла в том, чтобы помочь составу суда разобраться в материалах, представленных в ходе судебного следствия, и способствовать формированию убеждения о виновности подсудимого. В связи с тем, что слушатель А.Ф. Кони, с одной стороны, не подготовлен к восприятию сложной аргументации, а с другой – обладает здравым смыслом и способен принимать решения, прокурор так оценивает значение прений: «Заключительные же прения идут дальше и должны представлять собой оценку и критический разбор доказательств (и улики) в их логической силе и житейской связи» [2]. Такая установка выразилась в отмечаемых современниками двух основных чертах ораторской манеры А.Ф. Кони: его исключительные аналитические способности и дар рассказывания: «Речи А.Ф. Кони выделяются из обычных прокурорских речей и передач обстоятельств дела и доказательствами, они дают не один остов аргументации, а действительно воспроизводят событие со всеми деталями и особенностями» [6]. Большая часть совершаемых оратором речемыслительных операций направлена на восстановление в сознании адресата события во всей его полноте, даже если это осуществляется не путем рассказывания, а путем доказывания. Отсюда можно заключить, что дискурсивная деятельность А.Ф. Кони имеет тенденцию быть воплощенной через нарратив.

Реализация замысла в речах А.Ф. Кони предполагает несколько уровней: (1) содержания, или семантической нарративной системы, (2) коммуникативной (речеактовой) составляющей оперирования элементами нарративной системы, (3) структурного компонента, свя-

занного с композиционным членением высказывания в зависимости от содержания и производимых операций с ним.

Поскольку нарратив предполагает концентрацию внимания слушателей на компонентах события и связях между ними, необходимым становится описание семантической нарративной системы, представляющей собой совокупность элементов события, которыми оперирует оратор в процессе конструирования картины произошедшего. Отчетливое представление о том, как формируется содержание нарратива, сформулировано П. Рикером в связи с понятием «концептуальной сетки», в которой «действие» приобретает значение, благодаря своей способности использоваться совместно с каким-либо другим термином из этой сетки. «Действия предполагают цели..., отсылают к мотивам..., действия включают в себя также агентов, делающих или могущих делать определенные вещи... эти агенты действуют и претерпевают действия в некоторых обстоятельствах» [4]. Термины концептуальной сетки применительно к нарративу судебной речи можно обозначить как нарративный компонент (НК), минимальный содержательный элемент нарративной системы, отражающий квант события, избираемый и включаемый в нарратив под влиянием образа адресата и замысла говорящего. Выделяемые НК содержат такие кванты событийного содержания, как «субъект действия», «действие», «цель действия», «орудие действия», «время действия» и т.д.

В основу классификации НК как элементов плана содержания речи положено представление о доказывании как аналитическом методе познания, когда «доказать – значит осуществить перевод очевидного предложения, придавая ему различные формы до тех пор, пока оно не станет предложением, которое требуется доказать» [1]. Процесс доказывания происходит следующим образом: «ряд предложений, в которых одни и те же идеи, переходя из одного предложения в другое, различаются лишь тем, что они по-разному выражены, а очевидность рассуждения состоит исключительно в тождественности» [1]. При этом предложение очевидно, «когда тот, кто знает значение слов, не может сомневаться в том, что оно утверждает» [1]. Иными словами, доказательство есть постепенный переход от очевидного к доказываемому, от известного к неизвестному, в процессе чего идея, содержащаяся в «очевидном», переформулируется до тех пор, пока не станет предложением, которое следует доказать. Поэтому можно выделить три части аналитического суждения: исходную, являющуюся очевидной, не вызывающей сомнений; вторичную, представляющую собой переформулирование идеи исходной части и, в свою очередь, подразделяющуюся на переходную и доказываемую части, где доказываемые элементы есть итог рассуждений оратора.

Аналогично элементам доказательства выделяются исходные (известные) и вторичные (подлежащие обоснованию, неизвестные) НК. Исходные НК предоставляют фактический материал, полученный в ходе судебного следствия, а также общие черты событий, к ка-

тегории которых относится рассматриваемое происшествие. Вторичные НК, или данные, установленные оратором при анализе фактического материала, не являются очевидными для слушателей и потому требуют пояснения или обоснования. Вторичные НК подразделяются на промежуточные и доказываемые НК. Промежуточные НК занимают положение между исходными и доказываемыми (например, при помощи исходного НК «действие субъекта» можно установить НК «цель субъекта» или «причина действия»). Доказываемые НК, составляющие конечную цель усилий оратора (НК этого типа составляют тезис судебной речи).

Отметим следующую закономерность: если исходные НК объединяются для обоснования одного промежуточного НК, то ряд промежуточных НК (возможно, с помощью исходных НК) обосновывает один доказываемый НК. Таким образом, из массы исходных НК получаются в итоге те несколько доказываемых НК, которые составляют тезис речи. Стало быть, нарративная система демонстрирует процесс количественно-качественных преобразований НК, поскольку доказываемые НК содержат в себе идею всех представленных ранее НК. Если исходные и промежуточные НК детально представляют событие, то доказываемые НК – это ключевые и обобщающие элементы всей нарративной системы.

Иными словами, аналитический метод А.Ф. Кони основан на инференции как операции семантического вывода, заключающейся в том, «чтобы, используя наличествующие в дискурсе или тексте реальные языковые формы (исходные НК – *Т.А.*), выйти в их «прочтении» за их пределы, т.е. определить, что из них следует или же вытекает (вторичные НК – *Т.А.*)» [3]. Подобный подход оратора к разработке содержания речи демонстрирует его стремление к тому, чтобы помочь присяжным осмыслить значение составляющих событие элементов.

Поскольку нарратив рассматривается нами в аспекте осуществления дискурсивной деятельности, то требуется описание способов оперирования содержательными элементами высказывания (НК). Так как речевые акты, имеющие отношение к нарративу, оперируют элементами нарративной системы, то речевой акт представляет собой фрагмент текста, включающий один и более НК. Речевой акт выделяется по тому, какое действие с его помощью автор совершает, например, повествует об обстоятельствах события, доказывает, что действие было совершено именно этим человеком, или опровергает точку зрения оппонента. Каждый из фрагментов при этом тематически относительно завершен. Поэтому в общем виде речевой акт может быть представлен как оперирование с одним и более НК с целью фальсификации, включения, расположения составляющих события.

Особенности совершаемых оратором речевых действий обусловлены свойствами образа адресата, сконструированного А.Ф. Кони, и функциями судебной речи. Понимая, что неподготовленному слушателю сложно сложить в единый образ события все те данные, ко-

которые предлагаются его вниманию, А.Ф. Кони видит свою задачу в том, чтобы помочь присяжным сформировать отношение к тем материалам следствия, которые являются спорными или сложными для адекватной оценки. Речевые акты обеспечивают логическую связь между НК, которая позволяет осуществить переход от известного к неизвестному, в результате чего придается значение устанавливаемым НК. Э.Б. де Кондильяк выделял три этапа восприятия предмета: 1) когда предмет воспринимается в общем виде и многие детали его не осознаются; 2) когда предмет детально рассматривается и 3) в результате получается идея того, как предмет организован, складывается целостное его видение, знание его особенностей, принципов связи его компонентов. Если в первом случае можно говорить о том, что воспринимающий имеет общее представление о предмете, то в последнем случае мы имеем дело с пониманием оратором его предмета. Организация системы речевых актов в выступлениях А.Ф. Кони иллюстрирует это положение. Когда в начале используется обобщающий речевой акт, А.Ф. Кони указывает на макрокомпонент события, чтобы потом путем ряда расчленяющих операций показать его особенности и сформировать у адресата понимание его свойств. Другой сценарий предполагает, что адресат уже имеет представление об элементе события, и тогда оратор трансформирует его путем детального анализа и формирует новое видение общей картины произошедшего.

Если нарративная система представляет собой совокупность элементов события, которой оратор оперирует с помощью речевых актов, то композиционные части обеспечивают целесообразность, последовательность и непротиворечивость организации речевых актов в целом высказывания. Так, множество НК и речевых актов не обеспечивает само по себе реализацию нарратива как механизма дискурсивного кодирования установки на адресата, поскольку выполняет только два требования – полноты и разработанности содержания. Воплощение нарратива возможно только при условии связности и последовательности представления замысла.

Таким образом, композиция трактуется как коммуникативно значимое распределение материала и способов оперирования им с точки зрения замысла адресанта.

В результате анализа судебных речей А.Ф. Кони можно выделить следующие композиционные элементы основной части высказывания: 1) изложение фактических обстоятельств дела; 2) анализ и оценка собранных по делу доказательств; 3) анализ причин и условий совершения преступления; 4) характеристика личности подсудимого; 5) характеристика личности потерпевшего; 6) обобщение результатов анализа обстоятельств дела; 7) формулирование тезиса речи. Композиция судебных речей А.Ф. Кони как тематическое соединение и распределение речевых актов, оперирующих нарративным содержанием, представляет собой итоговый уровень реализации нарратива.

Особенности композиции демонстрируют такие свойства организации нарратива, как тесная взаимосвязь анализа и синтеза, целенаправленное использование компонентов нарративной системы и стремление к тому, чтобы событие для адресата приобрело цельность и было осмыслено.

Рассмотрим процесс реализации посредством нарратива замысла оратора на примере композиционной части «Анализ причин и условий совершения преступления» в речи «По делу о нанесении побоев» [2]. В этой части оратор доказывает, что побои потерпевшему были нанесены именно подсудимым. Исследуемая композиционная часть конструируется в три этапа: первый состоит в установлении причин нанесения побоев; второй – в характеристике условий совершения преступления, третий – в обобщении результатов анализа, проведенного адресантом на первом и втором этапах.

Первый этап композиционной части организован тремя речевыми актами и ориентирован на установление истинной причины преступления. Речевой акт расположения, с которого начинается композиционная часть, состоит в напоминании сведений о событии преступления, полученных из показаний свидетеля: *1. Склаво рассказывает, что (А) извозчик остановился на пороге передней и стал требовать прибавки денег. ...Извозчик Северин просил прибавки денег, (В) подсудимый говорит ему, что он прибавки ему не даст, и в то время, когда (С) извозчик начал доказывать справедливость своего требования, (D) подсудимый, говоря: «Как ты смеешь рассуждать!?!», начал, как это видно из показаний Склаво, бить его по лицу.* В приведенном речевом акте повествуется о действиях потерпевшего НК (А и С) и о последовавших действиях подсудимого (НК В и D). Составляющие речевой акт НК являются исходными.

После того как оратор напоминает рассказываемое свидетелями о произошедшем, осуществляется речевой акт фальсификации, в котором сопоставляются показания подсудимого и свидетелей: *3. Подсудимый объясняет, что (А) был раздражен и рассержен грубостями и дерзким обращением извозчика. Но свидетели Склаво, Ковалевский и Буймистров единогласно утверждают, что в (В) требованиях извозчика не было ничего дерзкого и он грубостей никаких не говорил, а тем более не размахивал руками и не задевал подсудимого.* Таким образом, оперируя НК, почерпнутыми из разных источников и сопоставляя их между собой, А.Ф. Кони указывает на ложность слов подсудимого и устанавливает, что действия подсудимого не были спровоцированы потерпевшим Севериным (НК В).

Второй этап состоит в обосновании того факта, что подсудимый совершил преступление осознанно. Реализуется этот этап двумя речевыми актами. С помощью первого в нарративную систему включается промежуточный НК (А) «состояние подсудимого», в качестве основания используется исходный НК (В), почерпнутый из свидетельских показаний: *1. (А)*

Подсудимый не только не был пьян до бесчувствия, до отсутствия сознания своих поступков, но он не был даже просто в состоянии опьянения. Он был лишь только навеселе, т. е. в том состоянии, когда человек может себе отдавать полный отчет в своих действиях. (В) «Господин Дорошенко уехал от меня слегка навеселе, как обыкновенно после именинного ужина», – говорит свидетель Веприцкий. «Господин Дорошенко приехал в Григоровку не пьяный, – говорит Стефанович, – а только «под фантазией».

Однако оратору важно доказать не только осознанность действий Дорошенко, но и их целенаправленность. Для включения НК (А) «подсудимый действовал осознанно» А.Ф. Кони интерпретирует НК (В) «действия подсудимого после совершения преступления»: 2. Из показаний свидетелей ясно, что (А) подсудимый действовал с полным сознанием и своих обычаев, и своих прав. Он понимал также и значение того, что делал, понимал, что нанесение им извозчику побоев не есть действие законное – и вот почему, (В) когда Склаво собирается ехать с Севериным и выходит в переднюю, в темной передней щелкает ключ, кто-то пробегает и слышится голос Дорошенко: «Теперь можете ехать!» (С) Склаво, таким образом, насильно удержан, а Ковалевскому дано приказание поскорее выпроводить извозчика из Григоровки. Иными словами, речевой акт включения осуществляется следующим образом: интерпретируется исходный НК (В) и за счет этого устанавливается промежуточный НК (С). Доказываемый НК (А), таким образом, является результатом толкования НК (В и С).

Третий этап состоит в расположении НК, содержащих результаты анализа материалов, осуществленного на первых двух этапах, и реализуется как речевой акт обобщения: Я полагаю, кончая первую часть обвинения, что едва ли может возникнуть сомнение в том, что (А) побои были действительно нанесены Северину подсудимым (В) сознательно и (С) с намерением, т. е. с целью причинить именно какую-либо телесную боль Северину, без всякого, впрочем, умысла на убийство, на причинение ему смерти. НК (А) установлен в композиционной части «анализ собранных по делу доказательств», НК (В) определен с помощью речевого акта (1) на втором этапе анализа причин и условий совершения преступления, НК (С) – речевым актом (2) того же этапа.

Именно потому, что А.Ф. Кони не только анализирует, но и напоминает, обобщает, повествует, интерпретирует, создается такой образ события, который помогает слушателю принять решение в соответствии с замыслом оратора.

На примере рассмотренной композиционной части «анализ причин и условий совершения преступления» в речи «По делу о нанесении побоев» становится видно, как посредством оперирования имеющимися сведениями о событии в рамках заданной композиционной частью темы действия подсудимого Дорошенко реализуется часть авторского замысла «обосновать, что смерть потерпевшего произошла вследствие действий подсудимого».

Таким образом, нарратив судебных речей А.Ф. Кони – это дискурсивный способ воссоздания целостной картины произошедшего, связанный с отбором, переосмыслением и упорядочением квантов события на семантическом, речеактовом и композиционном уровнях высказывания. При этом событие не только возникает во всей своей целостности в воспринимающем сознании, но и приобретает заданную говорящим модальность, за счет чего происходит формирование убеждения слушателя.

Список литературы

1. Кондильяк Э. Б. Сочинения. – М.: Мысль, 1983. – Т.3. – 388с.
2. Кони А. Ф. Собрание сочинений. – М., Адепт, 2003. – CD-ROM. – Загл. с этикетки диска.
3. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
4. Рикер П. Время и рассказ. – М.; СПб.: Университетская книга, 1998. – Т.1. – 313с.
5. Риторика учебное пособие / [А. Г. Антипов и др. ; науч. ред. П. А. Катъшев] ; М-во образования и науки РФ, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования «Кемеровский гос. ун-т». Кемерово, 2011.
6. Тимофеев А. Г. Судебное красноречие в России. Критические очерки. СПб.: кн. маг. А.Ф. Цинзерлинга, б. Мелье и К°, 1900. –176 с.

Рецензенты:

Фельде О.В., д.фил.н., профессор, зам. декана по науке Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, г. Красноярск.

Фомин А.Г., д.фил.н., профессор, зав. кафедрой теории и практики перевода ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», г. Кемерово.